

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цена отдельнаго номера 20 н.

ФЛАЖА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р.	— к.
" 6 мѣсяцевъ..	4 "	50 "
" 3 мѣсяца	2 "	50 "

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р.	50 к.
" 6 мѣсяцевъ..	5 "	— "
" 3 мѣсяца	2 "	75 "

— Вотъ такъ дождикъ, сунъ-то барскій, должно быть,
 порядкомъ подмокъ...

ИЗЪ „ПОПУЛЯРНОСТИ“ БАРЬЕ.

Ужели спину гнуть—потребность челоуѣка,
 И такъ кумирь необходимъ,—
 Что нужно и народъ взять идоломъ для вѣка
 И преклониться передъ нимъ?

Ужели-жь снова пасть, едва успѣвъ подняться?
 И, наконецъ, ужель забыть,—
 Что тотъ, кто клятву далъ свободѣ погло-
 няться,
 Ее обязанъ стоя чтить?..

Увы, печальный мигъ весь свѣтъ переживаетъ:
 Вѣкъ небывалый настаеъ,
 Когда людской порокъ гноить и разлагаеъ
 Все то, что солнце создаетъ;

Когда въ сердцахъ людей все доброе убито,
 И поглотилъ ихъ эгоизмъ,
 И добродѣтель къ нимъ лишь наскоро пришта
 И длится день ихъ героизмъ;

Когда огонь любви къ Отечеству потухнулъ,
 Гражданскій долгъ смѣшнымъ прослылъ,
 Святой алтарь стыда общественнаго рухнулъ
 И мѣръ обломками покрылъ!

И все унало въ грязь! Все загрязнилъ нахальный
 Своимъ безстыдствомъ сильный вѣкъ,
 И цѣлый мѣръ облекъ, какъ въ саванъ по-
 грѣбальный,
 Въ свое презрѣнье челоуѣкъ!

Ив. Тхоржевскій.

„ЗДРАВСТВУЙ КУМЪ ТЫ МОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ!“

КАРИНА НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

(Легкое подражаніе Щедрину).

II.

Послѣ описанной нами бесѣды *) дѣй-
 ствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Петра
 Ивановича съ Иваномъ Петровичемъ, прошло
 около двухъ мѣсяцевъ. Былъ осенній дожд-
 ливый вечеръ; Петръ Ивановичъ на этотъ
 разъ не пошелъ къ своему другу Афанасію
 Лаврентьевичу на обычный вечерній вистъ.
 Онъ сидѣлъ у письменнаго стола, съ только
 что полученнымъ письмомъ изъ Петербурга
 и казался встревоженнымъ. Онъ нѣсколько
 разъ нахмурилъ брови прочелъ письмо и за-
 думался. Онъ даже не замѣтилъ, какъ лакей
 ему подалъ чай. Наконецъ, очнувшись, онъ
 позвалъ челоуѣка и велѣлъ ему пойти за
 Иваномъ Петровичемъ. Только что челоуѣкъ
 вышелъ, какъ встрѣтилъ Ивана Петровича въ
 дверяхъ. Иванъ Петровичъ противъ обыкно-
 венія былъ озабоченъ, такъ что войдя въ
 комнату, онъ задѣлъ ногою коверъ, и чуть
 не растянулся на полу. Петръ Ивановичъ бы-
 стро оглянулся. Гость и хозяинъ нѣсколько
 минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

*) См. № 7 „Фаланги“.

— Слыхаль, ваше пр—во, сказалъ со
 вздохомъ Иванъ Петровичъ.

— То-то... я говорилъ, что безъ пригла-
 шенія не обойдется, сказалъ Петръ Ивано-
 вичъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ
 выместить всю свою досаду на своемъ другѣ.

— Не ожидалъ, ваше пр—во, что это
 такъ скоро уладится!

— Ну, то-то! А ты все твердилъ, что его
 ужъ нѣтъ, да его ужъ нѣтъ; вотъ тебѣ и
 дождался!

— Вы же сами подтвердили, ваше
 пр—во, мое мнѣніе, что людей нѣтъ.

— Подтвердилъ! Подтвердилъ! Я, братъ,
 подтвердилъ, что здѣсь нѣтъ людей, а не
 тамъ.

— Это точно, ваше пр—во, тамъ людей
 много!

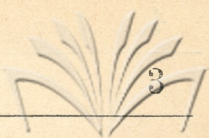
— Ну, много, такъ много, и пусть бы
 оставались тамъ!

— Вотъ ваше пр—во, говорилъ я вамъ,
 что если вмѣсто него, да Терентья...

— Фу! ты пропасть! наконецъ взбѣсилъ
 Петръ Ивановичъ, заладилъ одно „если
 вмѣсто него, да...“ Чего тутъ вмѣсто него
 да... когда ужъ есть вмѣсто него!

— Это точно, ваше пр—во, справедливо,
 теперъ ужъ поздно!

Пауза.

— Ну, что, ваше пр—во, каковъ онъ?
 — Строгъ!
 — А на счетъ аккуратности какъ?
 — Нѣтъ, противъ него пасъ!
 — Еще бы, ваше пр—во, такого аккуратнаго человѣка въ Россіи не смекать! Ну, а на счетъ особыхъ привычекъ, какъ?
 — Нѣтъ, ходить не любить!
 — А на счетъ приступа?
 — Легче; но строгъ!
 — Скажите, пожалуйста, строгъ! Значить горячъ?
 — Не знаю, горячъ или нѣтъ, но строгъ!
 — А скажите, пожалуйста, ваше пр—во, правда, что музыкантъ?
 — На скрипкѣ играетъ!
 — На скрипкѣ!.. что жь, хорошій инструментъ! Значить, ваше пр—во, въ душѣ музыкантъ?
 — Не знаю, какъ тамъ, а попалось ему, такъ трепака заплясешь!
 — Не дай Богъ, ваше пр—во! А я думалъ что строже его человѣка нѣтъ.
 — А вотъ прѣдетъ такъ увидишь!
 — Говорятъ любознательный, таинственно говорятъ Иванъ Петровичъ, все обшарить: какъ моль у васъ все дѣлается? Вотъ это скверно! По моему, ваше пр—во, коли прѣхалъ куда и держись того порядка, а то пойдутъ перемѣны, преобразования, улучшения, сокращенія!
 — То-то сокращенія!
 — Охъ! ваше пр—во, сокращенія эти смерть моя! Не люблю я это.
 — Любишь не любишь, а поневолѣ сократишься когда заставятъ!
 — Да, конечно, ваше пр—во, противъ этого кто говоритъ! То-ли дѣло, ваше пр—во, военные; у нихъ никакихъ сокращеній не бываетъ.
 — Да... у военныхъ... на этотъ счетъ крѣпче!
 — У нихъ опять, ваше пр—во, на счетъ почтительности или какъ они называютъ, дисциплины гораздо лучше. Тамъ ваше пр—во, чинъ чина почитай!
 — Еще бы!.. въ томъ то и дѣло!
 — У нихъ, ваше пр—во, коли встрѣтилъ офицеръ генерала, такъ честь отдаетъ! А у насъ, и сторожъ Михѣевъ коли внѣ департамента встрѣтитъ д. ст. сов. и то бровью не шевельнетъ!
 — Это понятно... у нихъ... духъ корпорации.
 — Вотъ, хоть бы примѣрно взять, они клубъ затѣяли! Вѣдь такъ сказать клубъ... т. е., ваше пр—во, мѣсто время препровожденія, но все таки и тамъ не забываютъ поговорки „чинъ чина почитай!“ Въ буфетѣ и тамъ дисциплина!

— Какъ въ буфетѣ?
 — Въ рестораціи, ваше пр—во; тамъ двѣ карточки обѣденныя, генеральская и офицерская! Лучшія кушанья въ генеральской, а немного по проще въ офицерской.
 — Что жь, это хорошо... гастрономическая дисциплина,
 — Еще бы, ваше пр—во! Что переварить желудокъ титулярнаго совѣтника, то нашъ не переваритъ!
 — Это правда!.. Намедни я былъ въ „Кружкѣ“... хотѣлъ ужинать... Вижу Спиногибовъ бараній бокъ съ кашей потребовалъ... давай говорю и я попробую... Съѣлъ, и послѣ недѣлю не могъ переварить, въ постель слегъ... А Спиногибовъ ничего... пришелъ на другой день въ департаментъ...
 — Да, ваше пр—во, съ чинами и желудокъ разстраивается!
 Водворяется молчаніе.
 — Вотъ я опять на счетъ военныхъ, ваше пр—во, начинается вновь Иванъ Петровичъ. У нихъ духъ единый, ваше пр—во, это не то, что у насъ! У нихъ каждый старается, какъ бы совершенствоваться въ своей специальности. Для этого они выдумали даже игры.
 — Какія игры?
 — Военныя игры, ваше пр—во!
 — Какого рода эти игры?
 — Это такъ сказать, ваше пр—во, въ родѣ шахматъ. Примѣрно сказать, раздѣляется поле на двѣ части; ставятся пѣшки, изображающія силы воюющихъ сторонъ, и начинается приступъ.
 — Что жь, это хорошо... хорошая выдумка...
 — Вотъ было бы хорошо, еслибъ для статскихъ выдумать игры...
 — Какія же игры? вѣдь статскіе не сражаются!
 — Это правда, ваше пр—во, что мы не сражаемся, но можно выдумать такую игру, чтобъ усовершенствоваться въ бюрократическихъ приемахъ.
 — Да, это было бы не дурно.
 Молчаніе.
 Иванъ Петровичъ, достаетъ изъ бокового кармана, какой то свертокъ.
 — Вотъ, ваше пр—во, конфузно говорить. Иванъ Петровичъ, у меня прожектъ на счетъ статскихъ игръ.
 — А, ну-ка, покажи!
 Иванъ Петровичъ разворачиваетъ свертокъ бумаги и вынимаетъ плоскую карточку и нѣсколько деревянныхъ пѣшекъ.
 — Вотъ видите, ваше пр—во, это доска въ родѣ шахматной, вотъ пѣшки. Я, ваше пр—во, ставлю эти пѣшки на мѣста и называю ихъ именами чиновниковъ. Положимъ вотъ

эти пѣшки: это Терентій Лукичъ, это Василий Игнатьичъ, это Спиритонъ Васильевичъ и т. д. Теперь вы тоже поставьте эти пѣшки и я начну ходить. Я хожу, ваше пр—во, Терентьемъ Лукичомъ.

— Гм! Терентій Лукичъ! Терентій Лукичъ! Ему можно сопоставить Лука Лукича!

— Шахъ, ваше пр—во, дѣйствительно Лука Лукичъ лучше Терентья Лукича! Побѣдили ваше пр—во! Теперь я вновь хожу, Каракозомъ Каракозовичемъ.

— А я ему сопоставляю, братъ, Василья Васильевича Дивидендова.

— Куда ему, ваше пр—во, до Каракоза Каракозовича! Это не такой формалистъ какъ Дивидендовъ.

— Какъ же братецъ не такой, когда Каракозъ Каракозовичъ его созданіе, вѣдь онъ его воспиталъ!

— Это правда, ваше пр—во! Но онъ не унаслѣдовалъ его формальности! У Дивидендова, ваше пр—во, каждая бумага копитися какъ окорокъ, пока отъ одного стола перейдетъ къ другому, для всякаго нововведенія ему нужно цѣлый вѣкъ, пока онъ его пойметъ. Вотъ, хоть бы примѣрно сказать, теперь новыя гербовыя марки ввели. Одинъ изъ начальниковъ какого то учрежденія подалъ прошеніе въ канцелярію гдѣ служить Дивидендовъ и забылъ приложить сорока копеечную марку. Дивидендовъ, ваше пр—во, началъ по этому поводу перениску съ акцизнымъ учрежденіемъ о взисканіи сорока копеечной марки, исписалъ на 50 копеекъ казенной бумаги и истеръ у сторожей на рубль серебромъ подошвы! А между тѣмъ онъ съ этимъ начальникомъ каждый день видѣлся и могъ безъ перениски взять у него марку.

— Нѣтъ, братъ Иванъ Петровичъ, я вижу, что ты заразился новыми идеями... Ну, какъ же ему было поступить иначе... Форма вещь необходимая!

— Нѣтъ, ваше пр—во, противъ Каракоза Каракозовича онъ пасъ!

Пауза.

— Я хожу Анатолиемъ Степановичемъ, сказалъ, послѣ долгаго раздумья, Петръ Ивановичъ.

— Ну, выбрали же доку, ваше пр—во! Ему можно сопоставить... ему можно сопоставить... Тутъ Иванъ Петровичъ сильно призадумался...

— Что же ты, братецъ мой, сталъ?

— Да вотъ не знаю, ваше пр—во, кого ему сопоставить... никакъ не могу приискать. Не нахожу человѣка... Людей нѣтъ!

— Именно, правду ты сказалъ, людей нѣтъ!

— У каждого человека, как вы видите, кожа на черепе сплошь покрыта густыми волосами...

**

Великий пост! Конец блинамъ,
Конец вину и наслажденьямъ,
Конец веселымъ вечерамъ,
Конец грѣхамъ и заблужденьямъ.
Теперь настали дни молитвъ
Дни покаянья и говѣнья,
Какъ послѣ частыхъ, трудныхъ битвъ
Приходятъ дни отдохновенья...
Всѣ бродятъ, носъ повѣсивъ свой,
Главу посыпавъ пепломъ съ горя;
Всѣ недовольны такъ собой;
У всѣхъ заботъ и хлопотъ—море.
Тотъ заболѣлъ, тотъ задолжалъ,
Того сгубили маскарады,
Тотъ слишкомъ много проигралъ.
Ну, словомъ, жизни всѣ не рады.
Вотъ тамъ всѣхъ дневныхъ бесѣдъ.
Забить блины—всего полезнѣй:
Не будетъ ихъ—не будетъ бѣдъ,—
Какъ и желудочныхъ болѣзней!
Ну что-жь, забудемъ! (середь поста
Не трудно это,—въ томъ нѣтъ слова),
Пока на Пасху, Господа,
Начнемъ опять бѣситься снова.

Шинуазъ.

НА ЗУБЪ.

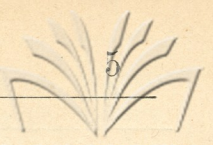
Достаточно взглянуть на обертку нашихъ книжекъ, перевернуть двѣ—три страницы, и содержание ихъ становится извѣстнымъ безъ дальнѣйшаго чтенія. Читатель сразу конечно не повѣритъ намъ и скажетъ: „шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станеть“, но мы примемъ здѣсь должныя мѣры противъ такого скептицизма читателя. Мы здѣсь вполне добросовѣстно разберемъ двѣ довольно объемистыя книжки, которыхъ мы не читали и никогда не прочтемъ.

На масляницѣ всѣмъ просвѣщеннымъ грузинамъ разосланъ былъ пробный номеръ новаго журнала «Имеди», издаваемого Михаиломъ Гургенидзевымъ (кто онъ? не псевдонимъ-ли?). Просвѣщенные грузины прочли и ахнули: въ пробномъ номерѣ оказались статьи весьма сомнительнаго достоинства; мы повторяемъ, не читали журнала, но нельзя повѣрить, чтобъ лицемѣрить они могли, такъ какъ сама редакция заявляетъ, что она не имѣла возможности быть строго разборчивою при подборѣ статей для пробнаго номера, вслѣдствіе поздняго полученія ею правительственнаго разрѣшенія на изданіе журнала. Позднее разрѣшеніе, конечно, могло подвигнуть редактора издать пробный номеръ не

въ февралѣ, а въ мартѣ, но какъ извѣстно, «у всякаго барона своя фантазія», и г. Гургенидзе, хотя и не баронъ, но все-жь, вѣроятно, не лишень этого добра.

Намъ, кромѣ того, передали, что profession de foi дебиантовъ—на 63 страницѣ, въ статьѣ редактора, и на 90 стр. въ статьѣ литературнаго критика. Мы не полѣнились прочесть двѣ страницы и за то же были вознаграждены сторицею: мы узнали, что въ землѣ нашей обрѣтается готовый чугуунъ (см. 63 стр.) на страницѣ же 90 грузинскій Лессингъ заявляетъ, что его кружокъ отличается отъ другихъ литературныхъ кружковъ большою скромностью и что въ литературѣ онъ не придаетъ никакого значенія талантамъ и познаніямъ.

Нужно признаться, это заявленіе насъ немало озадачило; мы спрашивали себя: что же можетъ замѣнить писателю таланты и познанія? что же можетъ замѣнить человѣку голову съ мозгами? Ради разрѣшенія этого труднаго вопроса мы, скрѣпя сердце, рѣшили прочесть всю статью, но вдругъ озарила насъ счастливая мысль: писателю познанія и таланты замѣняютъ чугуунная голова, ибо, какъ открыла новая редакция, чугуунъ есть естественное произведеніе нашей природы. Мы, успокоившись на этой разгадкѣ дальше,

конечно, не пошли; ничего дальше не читали, будучи увѣрены, что тамъ встрѣтимъ гоголевскаго Попрыщина съ «дуною, пресъверно сдѣланною въ Гамбургѣ и съ шишкою на носу туннискаго бая». Жаль, что тамъ нѣтъ составителя «Кавк. Календаря» съ «туецкимъ городомъ Карсомъ».

На-дняхъ тифлисскае отдѣленіе географическаго общества издало ученое сочиненіе д-ра Радде о Хевсуріи. Мы, конечно, не можемъ взять на себя критику ученаго труда. «Куда намъ до такихъ сужденій!» но чувствуемъ, что трактатъ не могъ обойтись безъ канкана; вотъ почему: въ «Кавказскомъ Календарѣ» 1877 г. напечатанъ отрывокъ изъ этого труда, заканчивающійся описаніемъ пиршества у грузинскаго князя. Кахетинскій Вакхъ сильно подѣйствовалъ на доктора и онъ пишетъ:

„Князь находится въ полномъ убѣжденіи, что это настоящій грузинскій напитокъ. Прислушайтесь повнимательнѣ! Представьте себѣ, что Генрихъ Гейне попалъ даже въ страну хевсуръ. Послѣ каждой хорошо пропѣтой пѣсни раздается изъ угла, гдѣ сидятъ пѣвцы (туземные) par excellence:

„Mit deinen schoenen Augen,
Hast du mich gequälet so sehr,
Du hast mich zu Grunde gerichtet
Mein Liebchen, was willst du noch mehr!“

Внизу прививали дикарю логику русскихъ законовъ; наверху общество веселилось на грузинскомъ пирѣ, устроеномъ на европейскій ладъ. Черезъ двѣсти лѣтъ, у перевала Ацунты, на 10000 ф. надъ уровнемъ моря, будетъ стоять веселая гостиница. На вѣткѣ ея будетъ красоваться надпись: „Au dernier Kaevsur.“ Пра правнуки д'Израэли и Горчаковыхъ зайдутъ туда по пути въ Индію, совершивъ предварительную экскурсію въ „животинскую“ Хевсурію. Въ Тіонети также будетъ стоять трехэтажный отель: „A la ville de Paris“, и тамъ высокіе гости будутъ встрѣчены оберъ-келнеромъ въ черномъ фракѣ съ глубочайшими поклонами. На обѣденной карточкѣ будетъ красоваться миниатюрная горная форель, всего только въ одинъ рубль цѣною, а бутылка стараго кахетинскаго будетъ обозначена неизмѣримо дешевою цѣною четырехъ рублей... Ибо цивилизація инвентаруетъ все, что ее можетъ вынести, а хевсуры, которые ее вынести не могли вымерли.

Если все это писано не подѣ влияніемъ кахетинскаго Вахуса, то тѣмъ хуже для автора.

СОВРЕМЕННЫЕ МОТИВЫ.

Всѣ помѣшаны на деньгахъ,
Всѣ толкуютъ лишь о хлѣбѣ,
Хлѣба лишь не просятъ духи,
Что живутъ незримо въ небѣ.

* *

Мы-же, смертные, повсюду
Ищемъ въ деньгахъ благодати.
Вѣдь извѣстно, что не будешь
Сытымъ... лежа на кровати...

— Надя, ты меня не любишь?!...
— Нѣтъ... она сказала,
— Я люблю тебя, мой милый!...
И... поцѣловала.

* *

— Брось лукавить, Надя, знаю—
Любишь безконечно
Ты меня, но еще больше
Мой карманъ... конечно?...

Атомъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ

(Туземная сказка).

1

Я сказку старую слыхалъ:
Въ давно прошедшій вѣкъ
На бѣломъ свѣтѣ проживалъ
Счастливыи человекъ...
Онъ баснословно былъ богатъ,
Былъ молодъ, полонъ силъ,
Былъ на красавицѣ женатъ,
Любимъ женою былъ...
И утра ранній, яркій свѣтъ,
И вроткій блескъ луны
Несли ему любовь, привѣтъ
Красавицы жены,
Несли лобзаній жгучихъ градъ,
Любовной рѣчи звукъ,
Въ истомѣ нѣгъ померкшіи взоры,
Объятія милыхъ рукъ...
Съ охоты-ль вѣдалъ онъ домой,
Съ похода-ль на врага —
Онъ зналъ, что дома ждетъ покой,
А не сюрпризъ—рога...
Такъ, безъ волненій и страстей,
Прозрачныи стекла,
Что рѣчка тихая степей,
Счастливица жизнь темла...
За днемъ шолъ день, за годомъ годъ,
Какъ въ сладкихъ грезахъ сна...
Да скорбь то гдѣ-же? Иль живетъ
Въ преданьяхъ лишь она?
Иль воцарился богъ иной,
Иль дремлетъ грозный рокъ?..
...Счастливецъ мой къ женѣ домой
Вернулся разъ не въ срокъ...
Былъ вечеръ. Золотомъ горя,
Спускалася за лѣсъ,
Одѣла пушуромъ зоря
Край западный небесъ...
Земли роскошный уголокъ
Былъ пусть и тихъ кругомъ,
Лишь подъ горой ворчалъ потокъ,
Сердцѣ чѣмъ днемъ...
Привязанъ конь къ вольцу воротъ...
Обнять жену спѣша,
Къ ней въ спальню, крадучись, идетъ
Счастливецъ, чуть дыша...
Вотъ у порога онъ... рука
Толкнула робко дверь...
Все тихо вокругъ... „Навѣрняка
„Голубка спитъ теперь...“
Приливомъ нѣжности, любви
Охваченъ, умиленъ,
Смирная страсти пылъ въ крови,
Взглянулъ въ глубь спальни онъ,
Взглянулъ и сталъ чадры бѣлыи:
.....
.....
.....
..... имеретинъ.
Иное горе налетитъ,
Какъ смерчъ морскихъ пучинъ,
Раздавить все, все истребить,
Все сгубить въ мигъ одинъ...
Чѣмъ только жилъ лишь человекъ,
Чѣмъ думалъ жить потомъ—
Исчезнетъ, словно вѣшній снѣгъ
Подъ солнечнымъ лучомъ...
Отпоръ немислимъ... воли нѣтъ,
Нѣтъ силы для борьбы
И гордый умъ молчитъ въ отвѣтъ
Безумію судьбы...
Такъ было тутъ... Не дикій глѣвъ,
Супруга обуялъ,
Онъ не рванулся словно левъ,

Не тронуть свой кинжалъ...
Нѣтъ, молча, будто автоматъ,
Безчувственный, нѣмой,
Онъ тихо двинулся назадъ,
Поникнувъ головой;
Лицомъ блѣднѣе мертвеца,
Украдкою, какъ тать,
Сошолъ съ широкаго крыльца
И сѣлъ въ сѣдо опять...
И конь, послушный удиламъ,
Понесъ бѣднягу въ даль...
...Не знаю какъ, читатель, вамъ—
А мнѣ героя жаль!...

2

Длинна дорога, труденъ путь
Подъ ношей тяжкихъ мукъ!..
Завхатъ къ другу, отдохнуть
Рѣшилъ мой эхсъ-супругъ...
Друзьямъ, разставшимся давно,
Мигъ встрѣчи сладокъ былъ..
Изъ кюветри 1) дѣдовскихъ вино,
Заздравныхъ тостовъ пылъ,
Обильный ужинъ, разговоръ,
Супруги 2) нѣжный звукъ,
Хозяйки милой чудный взоръ,
Семьи любимой кругъ—
Рѣшмъ встрѣченъ былъ желанныи гость,
Звучалъ весельемъ домъ...
Но нашъ герой, скрывая злость,
Едва смотрѣлъ кругомъ...
(Мученъа тоньше и сильнѣи
Нѣтъ для сердецъ больнхъ,
Какъ видѣтъ радости людей
И не имѣтъ своихъ...)
Ужъ поздно... Ужина финалъ—
И отдыхъ недалекъ...
Сакселаимидо 3) прозвучалъ
И выпитъ турій рогъ...
Оставленъ гость опять одинъ,
Одинъ съ своею тоскою,
Какъ столбъ среди родныхъ руинъ,
Угрюмый и нѣмой...
Не выдалъ онъ свою печаль
Друзьямъ... Яснѣи чѣмъ май
Цвѣла ихъ жизнь и было жаль
Ему смутитъ ихъ рай.
Но злая скорбь за то вдвойнѣ
Гнала его теперь...
Въ раздумѣ, словно какъ во снѣ,
Открылъ на дворъ онъ дверь...
Востока ночь, какъ день свѣтла,
Пошла дыханья розъ,
Надъ міромъ смолкнувшимъ пыла,
Со свитой чудныхъ гръзъ...
Блестѣлъ свѣтлякъ въ листьяхъ вѣтвей...
Деревьевъ строй вокругъ
Подернулъ сѣткою тѣней
Посеребреныи лугъ...
Сковалъ всю землю сладкѣи сонъ..
У двери гость стоялъ
И въ даль глядѣлъ... И чуялъ онъ,
Какъ тихо ногасалъ
Досель упорный, острый, злои
Огонь въ его крови
Предъ силой мощной и живой
Природы и любви...
И думалъ онъ: „Останусь здѣсь
„Въ кругу друзей своихъ,
„Огдамъ я силъ остаткомъ весь,
„Какъ имъ, такъ дѣтямъ ихъ,
„Прошедшей жизни горе, сражъ
„Разсѣю, словно дымъ...
„Я буду вновь, несчастный самъ,
„Жить счастиемъ чужимъ,

1) Кувшинъ для храненія вина.
2) Застольная пѣсня.
3) Заключительный тостъ.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, вы дайте мнѣ болѣе вѣское до-
казательство, чтобы я могъ почувствовать, что...
— Изв...воль!...

„Всевластной волей вырвавъ прочь
„Изъ сердца сѣмя зла...“
А ночь востока, нѣги ночь,
Дыша надъ нимъ, плыла...
Купаясь въ легкомъ вѣтеркѣ,
Шумѣлъ листвами дубъ...
Вдругъ слышитъ онъ: недалекъ
Лобзанье чихъ-то губъ...
Неясный, робкій разговоръ...
Мелькнула тѣнь во мглѣ...
На шумъ, беззвучно, точно воръ,
Поползъ онъ по землѣ...
Поползъ, какъ къ жертвѣ хитрый змѣй,
Взглянулъ подъ сѣнь куртины...
Глядитъ: хозяйка тамъ и съ ней
..... имеретинъ!...
Сдержавъ въ груди невольный стонъ,
Чтобъ не поднять скандалъ,
Гость въ тотъ же мигъ изъ дому вонъ
Украдкой убѣжалъ...
Боясь встрѣчи съ кѣмъ нибудь,
Онъ, подъ покровомъ тьмы,
Пошелъ пѣшкомъ въ дальнѣйшій путь...
Пойдемъ за нимъ и мы!...

3

Не знаю долго-ль, коротко-ль
Пріяель нашъ бродилъ,
Кѣмъ званъ бывалъ на хлѣбъ, на соль,
Гдѣ отдыхъ находилъ —
Мы застаемъ его теперь
У богача въ гостяхъ...
Герой угрюмъ, глядитъ какъ звѣрь,
Молчанье на устахъ...
Напрасно долго, со слезой,

Молилъ его богачъ,
Чтобъ онъ секретъ повѣдалъ свой —
Не помогаль и плачь!...
Не скоро счастья выпалъ мигъ,
Когда лишенный силъ,
Сдался бѣднякъ... Любви языкъ
Ледъ сердца въ немъ пробилъ...
Онъ началъ рѣчь... Онъ все сказалъ:
Какъ жилъ съ женой своей,
Какъ глупо жизнь его сломалъ
Громъ, грянувшій надъ ней;
Какъ у друзей найти покой
Разсечь невѣрно онъ...
Лилася исповѣдь рѣкой,
Порвавшей зимній сонъ...
Хотя не скоро, но рассказъ
Героемъ конченъ былъ...
Хозяинъ—князь, который глазъ
Все время не сводилъ
Съ его лица, теперь привсталъ,
Разправилъ усъ сѣдой
И молвилъ: „Жизнь свою сломалъ
„Ты самъ, ничто иной!...
„Любовь, невинность женъ своихъ,
„Какъ лучшей перль земли,
„Ревнивей всѣхъ богатствъ другихъ,
„Всѣ люди берегли...
„Ты—пряталъ крѣпко подъ замокъ,
„Мѣшки съ своей казной,
„Жену-же бросилъ за порогъ,
„Какъ будто хламъ какой...
„Какъ любить золото ухоть,
„Какъ любить мечъ ножны—
„Любить такъ жены, въ свой чередъ,
„И нашъ присмотръ должны...

„А добродѣтель ихъ—повѣрь—
„Лишь только звукъ пустой...
„Не заперъ ты отъ вора дверь
„И самъ всему виной!..
„Смотри сюда: я старъ и сѣдъ,
„Совсѣмъ мой черепъ голъ,
„Съ женой, однако много лѣтъ
„Безъ горестей провелъ...
„И отчего?. Пойдемъ со мной,
„Ты сразу все поймешь...
„Ты самъ увидишь: выводъ мой—
„Не хвастовство, не ложь!..“
Пошли... Безмолвень, пораженъ,
У дѣли гость стоитъ,
Сундукъ громадный, видитъ онъ,
Желѣзомъ весь покрытъ...
„Я здѣсь жену хранию,“ сказалъ
Ему сѣдой супругъ,
Замокъ тяжелый отперъ, снялъ
И распахнулъ сундукъ...
.....
.....
На свѣтѣ послѣ много лѣтъ
Еще герой нашъ жилъ,
Но ужъ не жертвой тяжкихъ бѣдъ,
Лишенной всякихъ силъ —
Онъ жилъ, дѣтами окруженъ,
Опять съ своей женой,
Онъ говорилъ, что счастливъ онъ,
Какъ мѣръ весь остальной
И лишь смущалъ порою вдругъ
Его вопросъ одинъ:
„Какъ могъ тогда попасть въ сундукъ
..... имеретинъ?..“

† Н. Симборскій.

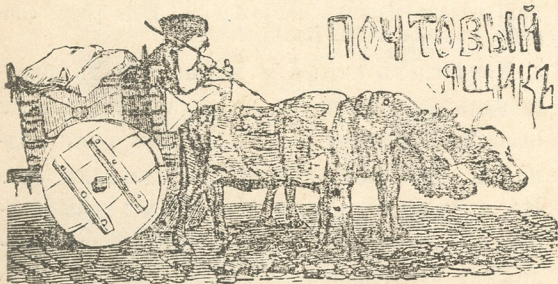

убѣждаемся, что это было лишь грезой. О, артистка! ты на сценѣ издали напоминала невольно намъ, что эта греза можетъ быть иногда и правдою. Симпатичный твой образъ мелькалъ передъ нами грезой юющей русалки. Ты наполнила и согрѣвала наши сердца восторгами мелодии, будила въ нихъ всѣ дремлющія благородныя человѣческія чувства, ты своей игрой и мелодическимъ пѣніемъ заставляла наши груди сильнѣе, порывистѣе дышать. Ты не щадила трудовъ и здоровья, чтобъ на нашей сценѣ воскресить первоклассныя роли итальянскихъ и русскихъ оперъ, блистала въ нихъ высокимъ искусствомъ, осѣненнымъ чарующей женственностью и артистическою добросовѣстностью. Ты отличалась прямою и великодушнѣе характеромъ, играла и пѣла и за себя, и всегда готова была играть и пѣть даже за другихъ. Ты, для доставленія художественныхъ наслажденій намъ, выказала всѣ свои богатія, голосовыя средства, признанныя съ восторгомъ и оцѣненныя громомъ аплодисментовъ на знаменитыхъ сценахъ Барцелонны, Мадрида, Милана, Лондона, Триеста!... Ты, какъ залетный соловей, восторгала насъ пѣснями Вани, Ратмира, и доказала всю высокую степень твоего таланта въ Андѣ, въ Триваторѣ, въ Фаустѣ, въ Еврейкѣ, Русланѣ и проч. Ты для насъ на сценѣ была очаровательной юющей феей, и намъ сегодня невыразимо жаль простаться съ тобою. Но образъ твой, какъ симпатичной артистки, на всегда останется въ нашей памяти. Поднося этотъ вѣнокъ тебѣ, лишь скромную, но искреннюю дань благодарности нашей, мы отъ души говоримъ спасибо, спасибо тебѣ, забывенная артистка, юющей соловьемъ мая навѣстившая нашъ югъ, своими пѣснями заставившая встрепенуться наши сердца. Пусть эти слова, точно дождь розъ, долетающія до тебя изъ нѣдръ интеллигенціи, будутъ приняты тобою при этомъ, вполне заслуженномъ тобою, вѣнкѣ, хоть невидимомъ, но единодушною, хоть скромною, но выравшеюся невольно изъ нашихъ сердецъ данью!... Спасибо, спасибо тебѣ!!!!

Прелестно!.. что можетъ быть лучше этихъ „словъ, летящихъ изъ нѣдръ интеллигенціи, точно дождь розъ?“ А это „невидимая, но вырвавшаяся дань сердцу?“—Сколько въ этихъ строчкахъ скрыто невидимаго смысла и вырвавшейся изъ подъ господства послѣдняго фантазіи!

Отказываемся вѣрить, чтобы и этотъ адресъ остался неподписаннымъ!!

Убѣдительно просимъ автора адресовъ принять участіе въ „Фалангѣ“ и доставлять матеріалъ для нашего альбома курьезовъ. Плата—по 5 коп. за строчку.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

Г. Шинуазу.

Кое что возьмемъ.

Г. Ему.

Ахъ, оставьте!

Сололани. А—с—у.

Все посланное Вами получили. Многое напечатать. Зайдите въ редакцію.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА.

Поти. Г. Неплюстоу.

У васъ былъ спектакль и балъ. Ну, и веселитесь, а насъ это не интересуеетъ.

Кутаисъ. Н. С.

Напечатано не будетъ. Если этотъ отвѣтъ васъ убьетъ, то сами виноваты. Мы мстимъ за время, которое вы убили.

Делижанъ. Г. Р—ному.

Ваша комедія „Подшутила“ доказываетъ только, что надъ вами муза подшутила.

Ахалкалаки. В. С.

Спѣшимъ увѣдомить Васъ, что-бы вы карикатуру не приготовили; вашихъ карикатуръ намъ не надо.

Кутаисъ. Мишъ Зичъ.

О гонорарѣ съ Вами мы говорить не будемъ, такъ какъ изъ произведеній вашихъ ничего не напечатать.

Терская Область. Г. Станичкину.

Вы не лишены таланта, но присланное носить слишкомъ частный характеръ и потому напечатать не можемъ. Присылайте корреспонденціи о фактахъ общественной жизни.

Петербургъ. Г. Не—Гейне.

Охотно вѣримъ, что вы не Гейне и присланнаго не напечатать.

Поти. Г-жѣ А. В—ской.

Объявленія ваши могутъ быть напечатаны только за деньги.

Отъ Редакціи

Биографическія свѣденія о покойномъ Симборскомъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Фаланги“ вмѣстѣ съ его портретомъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „ТИФЛИССКАГО ВѢСТНИКА“.

По взаимному соглашенію редакцій подписчики „Тифлисскаго Вѣстника“, будутъ получать журналъ „Фалангу“, редакція которой любезно предложила безвозмездно удовлетворить подписчиковъ „Тифлисскаго Вѣстника“ за недополученные ими №№ газеты съ марта мѣсяца 1880 г. Каждый изъ подписчиковъ будетъ получать „Фалангу“ въ продолженіи всего срока своей подписки, исключая двухъ мѣсяцевъ, (января и февраля 1880 г.) въ теченіи которыхъ разсылаея „Тифлискій Вѣстникъ“.

ДИЗЕНФЕКЦИОННЫЯ СРЕДСТВА.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, переносъ марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ. (3) 30—8.

ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ

В. ШАВЕРДОВА, въ ТИФЛИСѢ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія во всѣхъ газетахъ по редакціоннымъ цѣнамъ (Ш) 10—9

СОВѢТЪ СТАРШИНЪ

ТИФЛИССКАГО

РЕМЕСЛЕННАГО СОБРАНІЯ

приглашаетъ гг. членовъ на общее собраніе, назначенное въ воскресенье, 1 марта, въ 8 часовъ вечера для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до собранія. (Ш.) 1—1

5 МАРТА ВЫЙДЕТЪ

№ „ТИФЛИССКАГО ВѢСТНИКА“

Въ субботу 7-го марта 1881 года.

Э. К. ПАВЛОВСКОЙ.

ДАНЪ БУДЕТЪ

КОНЦЕРТЪ.

Въ Залѣ Тифлисскаго собранія, въ пользу Тифлисскаго дворянскаго школы и общества изданія армянскихъ книгъ съ благосклоннымъ участіемъ: В. Каракашянъ П. А. Опочинина, П. Адамьяна и С. Е. Павловскаго. Билеты заблаговременно можно получить: въ музыкальномъ магазинѣ Ланко, въ депо лампъ Цатурова и у швейцара собранія, начало въ 8 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на издаваемую въ г. Симферополѣ съ 16-го октября газету

ТАВРИДА на 1881 годъ;

(выходитъ по воскресеньямъ и ч. твѣргамъ).

Подписная цѣна: безъ доставки, на годъ 5 руб. на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 2 р., съ доставкою на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Симферополѣ, на Полицейской ул., въ домѣ Спиро и въ Севастополѣ, на Екатерининской ул. въ типографіи Спиро. Въ Тавридѣ будутъ печататься всѣ распоряженія правительства по уничтоженію появившейся на южномъ берегу Крыма Филоксеры. (7) 3—2.